

XX
ВЕК
ЛЮДИ
И СУДЬБЫ

ЛЮБОВЬ
БЕЛОЗЕРСКАЯ-БУЛГАКОВА

БУЛГАКОВ
МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Издательство АСТ
Москва 2024

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8
Б43

*Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается*

Издательство благодарит Государственное бюджетное учреждение культуры
г. Москвы «Музей М. А. Булгакова» и А. Э. Наппельбаум
за предоставленные фотоматериалы

Фото на обложке — Михаил Афанасьевич Булгаков. 1928 год.
Фотопортрет работы Моисея Наппельбаум

Фото на фронтиспise — Белозерская Любовь Евгеньевна. С дарственной
надписью Молодцову Валентину Александровичу. 1933–1934 годов.
Из фондов ГБУК г. Москвы «Музей М. А. Булгакова»

Белозерская-Булгакова, Любовь Евгеньевна.

Б43 Булгаков. Мои воспоминания / Л. Е. Белозерская-Булгакова. —
Москва: Издательство АСТ: ОГИЗ, 2024. — 288 [8] с. — (XX век.
Люди и судьбы).

ISBN 978-5-17-166274-5

Книга воспоминаний Любви Евгеньевны Белозерской-Булгаковой — писательницы и литературного деятеля, второй жены Михаила Афанасьевича Булгакова, — это уникальный текст, написанный хорошим литературным слогом с увлекательной интонацией, полный обаяния автора, доброго юмора, метких замечаний и с теплом описанных портретов близких и родных людей.

В нее входят три произведения: «У чужого порога» рассказывает о вынужденной эмиграции Любви Евгеньевны в Константинополь, Берлине и Париже, именно эти воспоминания и послужили для Михаила Афанасьевича Булгакова источником вдохновения при написании пьесы «Бег»; «О, мед воспоминаний...» — самые большие по своему объему, нежные и полные любви воспоминания о жизни с Михаилом Булгаковым (частично под названием «Страницы жизни» были изданы в сборнике «Воспоминания о Булгакове» в 1988 году); «Так было...» — воспоминания о работе с известным советским ученым, историком Евгением Викторовичем Тарле. Книга также содержит очерк жизни Любви Евгеньевны Белозерской-Булгаковой, написанный ее племянником Игорем Владимировичем Белозерским.

**УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8**

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2024
© Государственное бюджетное учреждение культуры
г. Москвы «Музей М. А. Булгакова», фотографии, 2024
© Наппельбаум М. С., наследники, фотопортрет, 2024

ISBN 978-5-17-166274-5

СОДЕРЖАНИЕ

У ЧУЖОГО ПОРОГА

7

О, МЕД ВОСПОМИНАНИЙ...

113

ТАК БЫЛО...

245

И. В. Белозерский
ЗАПИСКИ О ЛЮБОВИ ЕВГЕНЬЕВНЕ

267

У ЧУЖОГО ПОРОГА

ОТ АВТОРА

...Две ступеньки ведут к резной овальной двери в кабинет Михаила Афанасьевича на Большой Пироговской улице. Он сидит у окна. В комнате темновато (первый этаж), а я стою перед ним и рассказываю все свои злоключения и переживания за несколько лет эмиграции, начиная от пути в Константинополь и далее.

Он смотрит внимательным и требовательным глазом. Ему интересно рассказывать: задает вопросы. Вопросы эти писательские:

– Какая толпа? Кто попадается навстречу? Какой шум слышится в городе? Какая речь слышна? Какой цвет бросается в глаза?..

Все вспоминаешь и понемногу начинаешь чувствовать себя тоже писателем. Нахлынули воспоминания, даже запахи.

– Дай мне слово, что будешь все записывать. Это интересно и не должно пропасть. Иначе все развеется, бесследно сотрется.

Пока я говорила, он намечал план будущей книги, которую назвал «Записки эмигрантки». Но сесть за нее сразу мне не довелось.

Вся первая часть, посвященная Константинополю, рассказана мной в мельчайших подробностях Михаилу Афанасьевичу Булгакову, и можно смело сказать, что она легла в основу его творческой лаборатории при написании пьесы «Бег»...

КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Как ни тепло чужое море.
Как ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!
Николай Некрасов

Разве можно унести землю
Родины на подошвах своих башмаков?
*Жорж Дантон, когда друзья
предложили ему бежать
из тюрьмы за границу*

Хрипло и, как мне показалось, зловеще прозвучал последний гудок. В утробе парохода что-то заворчал. Он дрогнул и стал медленно, словно конфузясь, бочком отходить от одесской пристани. Еще кто-то, прощаясь, махал платком, еще кто-то кричал последние, уносимые ветром слова, но расстояние между пароходом и берегом неумолимо ширилось. Черная полоса воды все росла, росла, зачеркивая прошлое...

Французский пароход «Дюмон Дюрвиль», привезший в Одессу тех русских солдат, которые застряли во Франции еще со времени Первой мировой войны, принял на свой борт группу «русских ученых и писателей». Ученого среди них не было ни одного. Небольшой упитанный средних лет человек с округлыми движениями и миловидным лицом, напоминающим мордочку фокстерьера, – поэт Дон-Аминадо (Аминад Петрович Шполянский) – вел себя так, будто валюта у него водилась в изобилии и превратности судьбы его не касались и не страшили.

Аминад Петрович старался держаться поближе к коммерсанту Аге, тоже попавшему в группу «русских ученых». Ага, кра-

Любовь Белозерская-Булгакова

сивый, раскормленный караим, вез с собой жену, брата и хорошего круглого ребенка, плюс большой багаж и много брильянтов.

– Я пойду посмотрю, как отгружают мой большой багаж, – говорил он сочным баритоном, подходя то к одному, то к другому пассажиру.

«Большой багаж»! Этими словами как бы утверждалась прочность, неизбежность бытия. Остальным грузить было нечего: в легких чемоданчиках уместилось все их добро. Приват-доцент и публицист Миркин-Гецевич, ближайший помощник профессора Овсяннико-Куликовского по выпуску в свет большой белогвардейской газеты в Одессе, производил впечатление тоже человека налегке. Но все знали, что его богатый тесть, бывший столичный издатель Поляков, только что отбыл с семейством на «Алоиде Триестино» в Италию. «Да, но у Миркина – тесть! Тесть Миркина», – слышалось то здесь, то там. У борта маячила длинная нескладная тощая фигура художника Николая Владимировича Ремизова, известного по журналу «Сатирикон» как Ре-Ми. У этого, кроме таланта, бойкой жены Софьи Наумовны и увальня-пасынка Лени, ничего за душой не было...

Когда пассажиры разместились в трюме третьего класса – первый и второй сторели еще на стоянке в Одессе, – установился свой, с мелкими заботами и интересами быт.

Но что бы ни говорили
О том «Дюмон Дюрвиле»,
Забуду ль славный трюм?
Рагу из обезьяны –
Вот жизни нашей планы,
Вот смысл всех наших дум.

Это подражание Вере Инбер:

...И что б ни говорили о баре Пикаддили,
Но это славный бар?..

и коллективное творчество по пути из Одессы в Константинополь. «Рагу из обезьяны» – мясные консервы, прозванные так во французской армии...

В наступивших сумерках стало особенно грустно, и показалось, что прошлого не было. Не было ни семьи, ни школьных лет, ни Петербурга – ничего. Просто посадили на этот потрепанный пароход и сказали: «Живи!» А как жить?..

По палубе прохаживался Дон-Аминадо с мадам Агой. Он интимным голосом декламировал Блока. Она поеживалась и втягивала голову в воротник пальто, как будто ей щекотали шею.

Ты в синий плащ тихонько завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла, –

слышался голос Дона-Аминадо...

Кавака – первая остановка при въезде в Босфор. Здесь карантин.

Февраль. Дождит. Холодно. Страшная негритянка тащит меня под душ. Я сопротивляюсь. Мы примиряемся на том, что она слегка мочит мне волосы – «для начальства», «pour les chefs», – говорит она.

Здесь же у ехавшего с нами графа Сумарокова украли брюки. Он ходил завернутый в плед как в тогу. Пожилой, высокий, седовласый, импозантный человек. Так должен выглядеть председатель какого-нибудь аристократического фешенебельного клуба.

Жена – миловидная, когда-то пепельная блондинка, недоуменно вззирающая на окружающее, растерянная женщина, как будто ее прямо из кареты с выездным лакеем пересадили в наш грязный трюм...

Прошли Босфор. Налюбовались мраморными дворцами, лодками, причаленными прямо под балконами, причудливыми лестницами, заманчиво спускающимися среди садов к водам пролива.

И наконец, пароход причалил. Галатская пристань. Мутная вода стального цвета, усеянная апельсинными корками. Яркие пятна фесок. Мост с пестрой многоязычной толпой. По его краям – сборщики «пара» (самая мелкая турецкая монета): налог за переход через мост, соединяющий Перу и Галату со Стамбулом. Сборщики в одинаковых балахонах неопределенного цвета. Монеты опускают в кружки. (На фотографии 80-х годов прошлого века сборщики в белых халатах, но без кружек. А проходящие женщины в платьях с турнюрками, что помогло мне датировать фотографию.)

Галата – деловая часть города: банки, пристани, притоны и знаменитая галатская башня, сохранившаяся еще с крестовых походов.

Пера – европейская часть Константинополя, самая шикарная. На ней расположены посольства, лучшие магазины, отели. Улица Пера шириной с наш старый Арбат – с трамваями, ослами, автомобилями, парными извозчиками, пешеходами. Звонки продавцов лимонада. Завывают шарманки, украшенные бумажными цветами.

Стамбул – исконно турецкий район. «Блистательная Порта» (Совет министров) расположена там. Турецкие дома с плотными жалюзи на окнах, со своей замкнутой, береженной от постороннего глаза жизнью, тоже там...

Наш пароход встречали разные люди, желавшие узнать, что же происходит у нас на родине. Вот тогда-то мы и познакомились с немолодым англичанином, мистером Тони. По происхождению русский, он провел всю свою жизнь в Англии и вспоминал о ней с пеной у рта. Теперь в Константинополе он ждал возможности уехать в Россию. Говорил он по-русски с сильным английским акцентом и выглядел как типичный британец. Что такое Россия, особенно взбаламученная революцией, он, конечно, представления не имел, но твердо стоял на своем решении. Волны беженцев его не смущали и не пугали. Должно быть, я приглянулась мистеру Тони: он усиленно и многократно звал меня поехать с ним и дело-

вито говорил: «Со мной вы не пропадете». Вообще ни о каких чувствах, хотя бы даже простой симпатии, разговора не было.

Было удивительно посреди всей этой беженской свистопляски вдруг увидеть человека, который бы так пламенно рвался в Россию. Интересно, как сложилась судьба этого немолодого упрянца...

С незамысловатым своим багажом попали мы (муж мой Василевский – Не-Буква – и я) в барский особняк русского посольства на Пере. Для беженцев там освободили один зал. Спи на полу. Устраивайся как знаешь. Ищи пристанища где можешь. Под сверлящие презрительные взгляды «кавассов» – посольских служителей в униформах, украшенных золотым шитьем, – сначала мы разложили чемоданы, потом быстро сложили их. Мужчины разбрелись по городу и после недолгих поисков нашли гостиницу «Тиану» – злачное местечко, совсем близко от Перы.

Гостиница «Тиана», сдавленная с двух сторон многоэтажными домами, выглядела непривлекательно. На окнах ресторана изображена традиционная пивная кружка с пеной, льющейся через край, и скрещенными над ней союзными флажками. Улица узка и грязна. Снуют люди, надрывают горло продавцы каймака (это заквашенное особым способом буйволиное молоко, очень вкусно!), высоко задирая головы и шаря глазами по верхним этажам. Если товар за день не распродан, каймакджи не постесняется закричать истошным голосом «каймаки!» среди глубокой ночи. Первое время мы все вскакивали и бросались к окнам.

– Амбуласї, амбуласї, амбуласї, – иступленно бормочет продавец лимонов, примостившись на ступеньках соседнего дома. Помимо воли это слово вбивается в мозг.

– Семїтие, семїтие, семїтие! – вторит ему мальчишка, предлагая проходим обсыпанные тмином рогульки...

Владелец отеля, оборотистый потомок Антиноя, преподает танцы. Внизу, у окошечка, сидит его брат, исполняющий обязанности портье. У стойки, в кафе, дежурит их горбатая сестра. Вся семья суетится. Все кричат друг на друга и ссорятся, ссорятся с утра